

В. Ф. Гайдукевич ЕЩЕ О ВОССТАНИИ САВМАКА

Восстание скифов под предводительством Савмака, потрясшее в конце II в. до н. э. Боспорское государство, — одно из особенно примечательных событий в истории греческих колоний Северного Причерноморья. К сожалению, до нас дошли о нем крайне скучные сведения — они заключены в нескольких строках херсонесского декрета в честь митридатовского полководца Диофанта (IOSPE, I², 352). Из-за скудости фактических данных все попытки раскрыть реальное историческое значение движения Савмака сводились обычно к весьма гипотетическим суждениям. Чаще всего предполагался своего рода дворцовый переворот, имевший целью поставить во главе Боспора скифского правителя.

Толкование савмаковского движения подверглось радикальному пересмотру в опубликованной в 1933 г. работе С. А. Жебелева «Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре»¹. В названном труде С. А. Жебелев обрисовал это событие как вспышку классовой борьбы, обусловленной противоречиями рабовладельческого строя Боспорского государства.

Концепция С. А. Жебелева получила широкое признание в советской исторической литературе, она встретила также сочувственное отношение со стороны ряда зарубежных историков древнего мира². Вместе с тем появились и ее противники, правда, весьма немногочисленные. С возражениями, изложенными в рецензии, выступил в 1937 г. А. С. Коцевалов³. Сомнения относительно некоторых положений, имеющихся в работе С. А. Жебелева, были высказаны в 1941 г. М. И. Ростовцевым⁴. Позднее к числу критиков присоединился С. Я. Лурье, его доклад на научной сессии в Симферополе в 1948 г. имел целью опровержение выводов С. А. Жебелева о восстании Савмака⁵.

В 1950 г. В. В. Струве подверг обстоятельному разбору соображения оппонентов и убедительно показал, что они не смогли поколебать позицию С. А. Жебелева⁶.

¹ Работа неоднократно переиздавалась, последний раз в сб. статей: С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 82—415.

² E. Diehl, Sauamakos, RE, Suppl., VI, 1935, стб. 653; C. K. Дикшит, Введение в археологию, М., 1960, стр. 114.

³ «Наукові записки Інституту історії матеріальної культури АН УРСР», I (1937), стр. 109—114. Краткий ответ на рецензию С. А. Коцевалова был дан С. А. Жебелевым при повторном опубликовании его работы (ВДИ, 1938, № 3, стр. 71, прим. 1).

⁴ M. Rostovtzev, The Social and Economic History of the Hellenistic World, III, Oxf., 1941, стр. 1512.

⁵ Изложение доклада см. в ВИ, 1948, № 12, стр. 183. Напис критические замечания по поводу этого доклада см. в книге «Боспорское царство», М.—Л., 1949, стр. 536 сл.

⁶ В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

Сравнительно недавно в польском журнале «Meander» (1959, № 2, стр. 67—78) появилась статья С. Я. Лурье «Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa». Развивая свою прежнюю аргументацию, С. Я. Лурье в этой статье вновь энергично атакует концепцию С. А. Жебелева, отклоняя попутно и те аргументы, которые были представлены В. В. Струве в противовес критическим построениям С. Я. Лурье, содергавшимся в его симферопольском докладе. С. Я. Лурье начисто отвергает выводы С. А. Жебелева и безапелляционно называет их «фантазиями» (стр. 78).

Очевидно, статью С. Я. Лурье нужно внимательно рассмотреть. Вопрос стоит так: или концепция С. А. Жебелева действительно несостоятельна и тогда от нее надлежит отказаться, или, наоборот, следует отвергнуть противопоставляемые ей доводы; не исключено, наконец, что правильная в своей основе концепция С. А. Жебелева нуждается в некотором коррективе.

Надо сказать, прежде всего, что в статье С. Я. Лурье очень странное впечатление производит ее вступительная часть. Автор, отметив кратко сущность выводов работы С. А. Жебелева, вышедшей в 1933 г., дает такого рода «историческую справку». «1933 год,— пишет С. Я. Лурье,— принадлежал времени, когда в языкоznании безраздельно господствовал Марр и его школа. Изучение грамматики было для них чистым „формализмом“, и они полагали, что, выдвигая ту или иную историческую концепцию, можно пренебрегать грамматической стороной дела. Между тем, как известно, перевод каждого текста должен быть, прежде всего, верен со стороны грамматической и лексической. И только тогда, когда мы имеем перед собой перевод, безошибочный в языковом отношении, мы вправе строить на его основе те или иные выводы по существу».

Как же должен понять приведенные выше рассуждения любой неискушенный читатель? Поскольку в дальнейшем С. Я. Лурье оспаривает перевод определенной части херсонесского декрета, предложенный С. А. Жебелевым и легший в основу его освещения событий, связанных с восстанием Савмака, то, памятая «историческую справку», можно сделать только один вывод: причиной, породившей заблуждения С. А. Жебелева, была школа Марра, господствовавшая в языкоznании в 30-х годах и проповедовавшая нигилистическое отношение к грамматике. Трудно представить что-либо более невероятное.

С. А. Жебелев, владевший в совершенстве научными приемами исследования письменных источников, оказывается, под влиянием школы Марра не посчитался с грамматикой греческого языка, изучая декрет в честь Диофанта! Даже при самом пылком воображении невозможно усмотреть связи между школой Марра и вопросом, как надо переводить слово *ἐκθρέφαυτα* в херсонесском декрете. Кстати, С. Я. Лурье в своей статье не только полемизирует с С. А. Жебелевым по поводу перевода слова *ἐκθρέφαυτα*, но и отрицает толкование всей фразы *τὸν μὲν ἐκθρέφαυτα αὐτόν*, принятое всеми учеными. Они считали, что эти слова касаются Савмака, тогда как С. Я. Лурье их желает соединить с Диофантом. Если на понимание С. А. Жебелевым слова *ἐκθρέφαυτα* тлетворно подействовала школа Марра, то, спрашивается, под чьим же пагубным влиянием Юргевич, Фукар, Рейнак, Брандис, Ростовцев, Дильт и другие ученые ассоциировали слова *τὸν μὲν ἐκθρέφαυτα αὐτόν* с Савмаком, а не с Диофантом?

Ссылка на «школу Марра», которая неизвестно зачем понадобилась С. Я. Лурье, самым непозволительным образом дезориентирует читателя, наводя его на ложные умозаключения, хотя совершенно очевидно, что школа Марра к исследованию С. А. Жебелева о восстании Савмака ни с какой стороны не причастна.

Напомним теперь тот отрывок из декрета в честь Диофанта, на котором строятся все суждения о восстании Савмака. После описания двух военных кампаний, проведенных Диофантом против скифов в Крыму и закончившихся поражением скифов, в декрете сообщается, что Диофант затем прибыл на Боспор и «устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата». И далее, в сткк. 34—36 следует такой текст: *τῶν περὶ Σαύμαχον Σκυθῶν ψευτεριξάντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτὸν βασιλέα Βοσπόρου Παιρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῷ δὲ πιβουλευσάντων, διαφοργῶν τὸν κίνδυνον ἐπέβα μὲν ἐπὶ τὸ ἀποστολὲν ἐπ' αὐτῷ ὑπὸ τῶν πολιτῶν πλοῖον.*

У В. В. Латышева эти строки были переведены так, как их понимали и все другие исследователи, занимавшиеся изучением данного декрета: «Когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его (т. е. Савмака) боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль».

С. А. Жебелев сделал в переводе две поправки. Во-первых, он предложил *ψευτεριξάντων* перевести «произвели государственный переворот», что безусловно точнее, чем «подняли восстание», как у В. В. Латышева. Во-вторых, С. А. Жебелев счел необходимым, приведя соответствующее обоснование, изменить перевод фразы *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*. По мнению С. А. Жебелева, слово *ἐκθρέφαντα* показывает, что царь Перисад «вскормил» Савмака, следовательно, последний был царским рабом—*θρεπτός οἰκογενής*.

С. Я. Лурье отрицает правомерность предложенного Жебелевым толкования сткк. 34—35. Но прежде чем перейти к разбору аргументации С. Я. Лурье, необходимо обратить внимание на один вопрос, который вызвал полемику после появления упоминавшейся статьи В. В. Струве. Вопрос касается чтения стк. 34. Правый верхний угол постамента, на лицевой плоскости которого вырезан текст декрета, отбит, а поверхность плиты вдоль скола сильно потерта, вследствие чего концы сткк. 31—34 утратили часть букв⁷. Первый издатель надписи В. Н. Юрьевич в стк. 34 читал *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*⁸. Стало быть, последние две буквы в слове *αὐτόν* дополнены издателем. В IOSPE, I, 185 у В. В. Латышева показано (при воспроизведении текста «эпиграфическим шрифтом»), что в слове *αὐτόν* от омикрона уцелела лишь левая его половина, следующая же буква *ν* сохранилась в виде очень слабых ее следов. Во втором издании (IOSPE, I², 352) буквы *ν* совсем нет. Очевидно, В. В. Латышев после дополнительного исследования памятника убедился в отсутствии на камне следов этой буквы, но, несмотря на это, он сохранил прежнее чтение (*τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*), предложенное В. Н. Юрьевичем.

В 1950 г. В. В. Струве опубликовал свои соображения, основанные на скрупулезном изучении подлинника. По его мнению, в стк. 34 следует читать *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτός*. Такая реконструкция позволила В. В. Струве выдвинуть интересное предположение о роли государственных рабов в восстании Савмака, общий характер которого принимается В. В. Струве в полном соответствии с концепцией С. А. Жебелева.

⁷ Фотографии лицевой стороны постамента, на котором вырезан текст декрета, приведены в статье Струве, Восстание Савмака, стр. 28.

⁸ В. Н. Юрьевич, Псифизм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата-Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонисцев от владычества скифов, ЗОО, XII, 1880, стр. 10.

С. Я. Лурье считает предложенное В. В. Струве восстановление необоснованным, так как на эстампаже, хранящемся в Херсонесском музее, отчетливо читается *αὐτόν*, что, по мнению С. Я. Лурье, отвечает состоянию надписи непосредственно после ее открытия. Однако на эстампаже, которому придает столь серьезное значение С. Я. Лурье, две конечные буквы в слове *αὐτόν* исполнены карандашом с внешней стороны, никаких, даже самых слабых, следов оттиска этих букв нет⁹. Мы видели указанный эстампаж и убедились, что буквы на нем написаны в порядке восстановления текста. Они отнюдь не являются фиксацией сохранившихся на камне букв.

Внести в данный вопрос должностную ясность позволяет эстампаж, хранящийся в числе многих других эстампажей, по которым работал В. В. Латышев, в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Этот эстампаж декрета в честь Диофанта, несомненно, был сделан для В. В. Латышева в то время, когда он подготовлял к изданию IOSPE, I. На эстампаже отчетливо усматривается *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτ...* (рис. 1). Чуть заметна еще часть омикрона, следующего после буквы тау. Далее усмотреть ничего невозможno, никаких признаков буквы *ν*ю на эстампаже безусловно нет.

Следовательно, приходится согласиться с В. Н. Юрьевичем, который признавал сохранившимися только три буквы *ΑΥΤ*. В настоящее время подметить на камне сколько-нибудь уверенно признаки букв, следующих после *ΑΥΤ*, невозможно. Отдавая должное той исключительной тщательности, с какой В. В. Струве произвел обследование камня, все же едва ли можно считать бесспорными подмеченные им признаки буквы *Υ* (отсюда восстановление *αὐτούς*). Значит ли это, что мы должны отказаться от предложенного В. В. Струве восстановления? Конечно, нет. Оно имеет все права на существование. Однако из-за отсутствия (уже с момента обнаружения памятника) достаточно надежных следов букв в конце стк. 34 нельзя считать исключенным и чтение *αὐτόν*, общепринятое (вслед за В. Н. Юрьевичем) до последнего времени.

Поскольку, с точки зрения С. Я. Лурье, вариант чтения *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*, которого придерживался С. А. Жебелев, якобы совершенно лишает возможности интерпретировать сткк. 34—35 в духе концепции С. А. Жебелева, мы считаем целесообразным принять именно этот «уязвимый» вариант с тем, чтобы еще раз подвергнуть его тщательному рассмотрению и проверке.

По мнению С. Я. Лурье, выражение *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν* касается Диофанта, а не Савмака. Следовательно, когда скифы под руководством Савмака восстали, то они убили боспорского царя Перисада, воспитавшего митридатовского полководца Диофанта. При этом С. Я. Лурье, естественно, исключает возможность перевода *τὸν... ἐκθρέφαντα αὐτόν* в смысле «вскормившего его (как раба)», на чем настаивал С. А. Жебелев.

Чем же все это мотивировано? Рассуждения о том, что в декрете местоимение *αὐτός* употребляется только вместо имени Диофанта, не выдерживает критики. Сам же С. Я. Лурье признает присутствие в стк.

⁹ Утверждение С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 75, что данный эстампаж исполнен К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1878 г., сразу же после того как декрет в честь Диофанта был найден, ошибочно. К. К. Косцюшко-Валюжинич начал свою деятельность в Херсонесе только в 1888 г., т. е. десяти лет спустя после обнаружения декрета (см. К. Э. Гриневич, Сто лет херсонесских раскопок, Севастополь, 1927, стр. 47). С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 75, прим. 23, также заблуждается, причисляя К. К. Косцюшко-Валюжинича к «видным эпиграфистам». К. К. Косцюшко-Валюжинич в течение почти 20 лет самоотверженно вел раскопки Херсонеса, но никогда не занимался ни изданием надписей, ни эпиграфическими исследованиями.

5 этого местоимения (*δ' ὑπ' αὐτοῦ*), где им обозначен царь Митридат, а в стк. 51 в одном предложении почти рядом стоят *αὐτόν* и *αὐτοῖς*, причем в первом подразумевается народ (*δῆμος*), во втором — Диофант. Тем не менее С. Я. Лурье полагает, что поскольку в стк. 34—35 во второй части предложения *αὐτῷ δὲ επιβουλευσάντων* («а против него составили заговор») бесспорно относится к Диофанту, то в предшествующей первой части предложения — *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν* — также имеется в виду Диофант. Ибо невозможно, утверждает С. Я. Лурье, чтобы местоимение *αὐτός* один раз было применено взамен имени Диофанта, а в непосредственной близости оно же замещало имя Савмака.

Нельзя, однако, забывать, что стк. 34—35 — это лишь часть обширного текста. Поэтому анализирование их в отрыве от контекста решительно ничем не может быть оправдано. Каждый, кто читал декрет нормально, т. е. с начала, знал с первых же строк, что в нем идет речь о Диофанте, сыне Асклепиодора, гражданине города Синопы¹⁰. Жителю Херсонеса, знакомившемуся с текстом декрета, Диофант, конечно, представлялся «стопроцентным» чужеземцем, человеком пришлым, ничем с Северным Причерноморьем в прошлом не связанным. Он прибыл из Понта в Крым как военачальник вместе с подчиненными ему войсками для выполнения задания, полученного от царя Митридата. Каким же образом можно было, дойдя до стк. 34—35, понять слова *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν* в том смысле, что боспорский царь воспитал понтийского полководца Диофанта? Разумеется, никто из читателей декрета не в состоянии был сделать такого поистине фантастического заключения.

Именно потому, что в фразе *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν* местоимение *αὐτόν* абсолютно невозможно было связать с Диофантом, составитель текста и не побоялся в сложносочиненном предложении дважды применить местоимение *αὐτός*, заменяя им в одной части предложения имя Савмака (*αὐτόν*), а в другой его части — Диофанта (*αὐτῷ*). Опасность какого-либо недоразумения полностью исключал контекст¹¹. К тому же частицы *μέν* — *δέ* оттеняли противопоставление: скифы во главе с Савмаком произвели государственный переворот и убили царя, воспитавшего (или вскормившего, как считает С. А. Жебелев) Савмака, тогда как против Диофанта они организовали заговор.

¹⁰ Высказанная когда-то (в очень осторожной форме) П. Фукаром, ВСН, VI, 1881, стр. 78, и повторенная С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 74, прим. 20, гипотеза о том, что полководец Диофант, которому посвящен херсонесский декрет, и митридатский стратег Диофант, упоминаемый Мемноном в связи с происходившими в Малой Азии в 73 и 71 гг. военными действиями (Мешн., 37, 43 = Миллег, FHG, 545, 549), являются, может быть, одним и тем же лицом (С. Я. Лурье строит на этом основании весьма смелые и далеко идущие предположения, касающиеся биографических данных Диофанта), представляется нам абсолютно бездоказательной. Как ни понимать слово *Μιθάρων*, сопровождающее у Мемнона имя полководца Диофанта, — искаженное ли это его отчество (*Μιθάρου*), что принято большинством исследователей (Кигелег, Diophantos, RE, V, 1909, стб. 1050; Дитт., Syll.³, стр. 344, прим.; IOSPE, I², стр. 305), или же это его второе имя (*Μιθάρης*) — и в том, и в другом случае отождествление данного Диофанта с Диофантом херсонесского декрета лишено всякого правдоподобия. Воевавший в Крыму со скифами Диофант не обладал ни таким вторым именем, ни таким отчеством, что вполне убедительно доказывают как текст декрета, так и сообщения Страбона, у которого Диофант вторым именем также не наделен (Страб., VII, 3, 17; 4, 7).

¹¹ Если бы в данной фразе дважды стояло *Σαύμαχον*, то получилось бы весьма тяжеловесное предложение, перегруженное собственными именами. Естественно должно было появиться желание произвести «разгрузку». И первым же кандидатом на замену местоимением неизбежно должно оказаться второе упоминание имени Савмака, поскольку *αὐτόν*, как это мы уже отмечали, может здесь ассоциироваться только с Савмаком.

Не случайно решительно все исследователи (в том числе такие эпиграфисты, как В. Диттенбергер, П. Фукар и В. В. Латышев), занимавшиеся декретом в честь Диофанта, были единодушны в понимании слов *τὸν μὲν ἐκθρέφαυτα αὐτόν*. Их всегда относили к Савмаку. Иначе и не может быть, если сткк. 34—35 воспринимать в логической связи с предшествующим изложением¹².

Глагол *ἐκτρέφειν* имеет ряд значений: вскармливать животное, взращивать растение, воспитывать (растить) человека с детства. С. А. Жебелев обратил внимание еще на одно значение, присущее этому глаголу, а именно — «вскормливать раба», т. е. растить его с детства, что засвидетельствовано, в частности, манумиссией II в. до н. э. из города Давлии в Фокиде¹³. *'Ἐκθρέφαυτα* в херсонесском декрете, очевидно, имеет такой же смысл, как в давлийской надписи, а отсюда следует, что Савмак — это «вскормленник», доморощенный раб боспорского царя.

С. Я. Лурье убежден в невозможности принять перевод С. А. Жебелева. *'Ἐκθρέφαυτα* — причастие, образованное из аориста в действительном залоге. В тех же двух-трех случаях, когда в дошедших до нас источниках говорится бесспорно о вскормленниках-рабах, глагол *ἐκτρέφειν* стоит в среднем залоге. Значит, заключает С. Я. Лурье, в херсонесском декрете *ἐκθρέφαυτα* нельзя понимать так, как предлагает С. А. Жебелев. Лицо, подразумеваемое в декрете, не могло быть рабом-вскормленником, это был воспитанник Перисада — свободный человек.

Однако при ближайшем рассмотрении грамматический критерий С. Я. Лурье оказывается предельно шатким. На ряде примеров, почерпнутых из литературных источников, В. В. Струве весьма убедительно показал, что, когда речь шла о воспитании («вскормлении») заведомо свободных людей, глагол *ἐκτρέφειν* применялся как в среднем, так и действительном залоге. Это может быть подтверждено и дополнительным материалом. Например, в гомеровском гимне в честь Деметры (стих 166) Каллидика говорит Деметре, принимая ее за смертную женщину и призывая ее отправиться в царский дворец, чтобы заняться вскармливанием царского сына: *εἰ τόν γ' ἐκθρέφω* «если ты его вскормишь»; в стихе 221 с такими же словами к Деметре обращается мать ребенка — царица Метанира. И там, и здесь налицо средний залог, хотя имеется в виду отнюдь не раб, а сын царя. Так же и у Софокла («Электра», 13) слуга Агамемнона Талфибий объявляет царскому сыну Оресту: *σε καξέσωσα καξεθρεφάμην* «я тебя и спас и вскормил», тут опять обнаруживается средней залог. Аналогичные примеры мы находим у Эврипида. Своим собственным детям Медея напоминает: *ὑμῖς ... ἐξεθρεφάμην* «я вас вскормила» («Медея», 1029), а Ясон говорит о своих детях: *οὓς ἔψασα καξεθρεφάμην* «которых я породил и вскормил» (там же, 1349). В «Законах» (XI, 929 А) Платона речь идет о свободном человеке, который хотел бы отречься от собственных детей: *δύ ἐτεχέν τε καὶ ἐξεθρεφάτο* «кого он породил и вскормил». Однако в тех же «Законах»

¹² Относительно стк. 51, где в непосредственном соседстве стоят местоимения *αὐτόν* (заменяющее слово *δέμον*) и *αὐτῷ* (вместо имени Диофанта), С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 72, справедливо считает, что двукратное применение здесь местоимения *αὐτός* по отношению к разным объектам никого в заблуждение ввести не могло. Почему? Несомненно, предполагается простое здравомыслие читателя. В самом деле, было бы нелепо, прочитав стк. 51, думать, что *δέμος* постановил воздвигнуть самому себе медную статую *ἐνοπλόν* (в полном вооружении). Но та же логика должна действовать и при чтении сткк. 34—35, где *αὐτόν* и *αὐτῷ* относятся к разным лицам. Путаницы произойти не могло и тут, ибо читатель также был не в состоянии представить себе боспорского царя в роли воспитателя понтийского полководца — гражданина Синопы, как и «народа», ставящего в свою честь статую *ἐνοπλόν*!

¹³ L. Robert, Études sur les inscriptions et la topographie de la Grèce centrale, BCH, LIX (1935), стр. 202 слл.

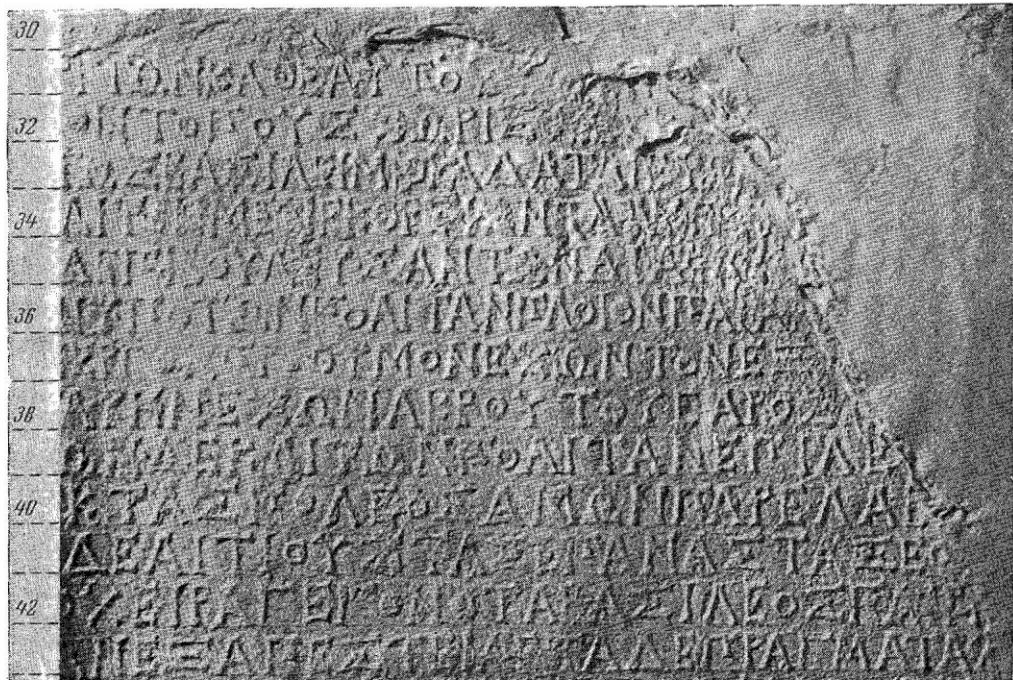

Рис. 1. Часть текста херсонесского декрета в честь Диофанта,— правый [верхний] угол второго столбца (эстампаж В. В. Латышева в архиве ЛОИА СССР)

употребляется и действительный залог, когда дело касается свободных детей, например *ἐκθρέφαντι τέκνα «вскормившему детей»* (XII, 958 C); *γεγνῶντας τε καὶ ἐκτρέφοντας παιδάς «рождая и вскармливая детей»* (имеются в виду свободные граждане) (VI, 776 B).

Можно ли, в свете сказанного выше, признать существование разграничения залогов в глаголе *ἐκτρέφειν*, которое хочет постулировать С. Я. Лурье? Полагаем, что ответ возможен только отрицательный. Известные в настоящее время случаи применения этого глагола в значении «вскормливать раба» крайне малочисленны, они пока единичны. Выводить из них средний залог в качестве грамматической нормы, присущей якобы данному глаголу при использовании его в указанном смысле, — занятие по меньшей мере преждевременное. И уж во всяком случае нельзя строить серьезные выводы на столь зыбком основании.

Допустим все же, что в херсонесском декрете *ἐκθρέφαντα* значит «воспитавшего ребенка-свободного». Так как о Савмаке больше ничего не сказано, то для читателя эта фраза (*τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*) должна была представляться настоящей головоломкой. Ведь оставалось совершенно непонятным, кем же все-таки был Савмак, которого почему-то «воспитал» боспорский царь? Зачем понадобилось отметить какую-то биографическую подробность Савмака, которая способна только породить недоумения? Известно, сколько высказано современными учеными различных догадок о Савмаке. По мнению одних, это был скифский царевич, воспитанный при дворе боспорского царя, по мнению других, — скифский знатный заложник, плененный в детском возрасте и получивший затем воспитание на Боспоре у царя Перисада, и т. д. Как будто нарочно создан неограниченный простор для фантазии читателя. Бряд ли это входило в намерения составителей декрета. С их точки зрения, выражение *τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτόν*, очевидно, заключало в себе достаточно четкое определение, которое без всяких дополнительных пояснений давало возможность читателю уяснить себе, кем был Савмак.

Предложенный С. А. Жебелевым перевод превосходно устраивает все затруднения. Скифы произвели переворот под руководством Савмака и убили вскормившего его боспорского царя. Савмак — царский раб. Несмотря на предельную лаконичность характеристики (*τὸν . . . ἐκθρέφαντα αὐτόν*), она оказывается исчерпывающе ясной. Сообщить, что Савмак — царский доморощенный раб, авторы декрета сочли нужным, конечно, не просто из желания ознакомить читателя с личностью предводителя мятежников. Несомненно, здесь преследовалась другая цель — очернить вождя повстанцев, показать, какой это был страшный злодей, преступник. Раб убил вскормившего его господина!

У М. И. Ростовцева вызывала недоверие «завуалированная форма» определения Савмака как раба. Если бы херсонесцы хотели охарактеризовать Савмака в качестве «доморощенного раба», то они, как думает М. И. Ростовцев (ук. соч., стр. 1512), употребили бы термин *ϑρεπτός*. Между тем «Савмак не назван *ϑρεπτός* (*hauseborn slave*) Перисада». По-видимому, М. И. Ростовцев упустил имеющееся в работе С. А. Жебелева весьма существенное наблюдение, основанное на анализе известной уже нам давлийской манускрипции. В ней сообщается о предоставлении свободы семи рабам и рабыням, которых вскормили хозяева (*ἀ ἐξθρέφαντο*), при этом освобождаемые именуются *ϑρεπτοί*. Значит, *ἐκτρέφειν* и *ϑρεπτός* были понятиями родственными. Поэтому мы вправе заключить, что слова *τὸν . . . ἐκθρέφαντα αὐτόν* херсонесского декрета закономерно ассоциировались с понятием *ϑρεπτός*. В Северном

Причерноморье, как показывают манумиссии¹⁴, слово θρεπτός безусловно представляло terminus technicus для обозначения раба, родившегося и выросшего в доме своего господина¹⁵.

В результате тщательного ознакомления с соображениями С. Я. Лурье, основанными на грамматических аргументах, мы приходим к выводу, что оба его тезиса (1. Слова τὸν μὲν ἐκθρέφαυται αὐτοῦ относятся к Дионефту, а не к Савмаку; 2. Έκθρέφαυται не может означать «вскормившего как раба») не представляются убедительными. Перевод сткк. 34—35 херсонесского декрета, предложенный С. А. Жебелевым, очень хорошо обоснован и бесспорно заслуживает полного признания.

В своей критике концепции С. А. Жебелева о восстании Савмака С. Я. Лурье не ограничивается филологической стороной вопроса. Он убежден, что построения С. А. Жебелева подрываются также теми выводами относительно монет Савмака, к которым теперь пришел К. В. Голенко.

До сих пор почти все исследователи (в том числе и такой крупнейший специалист по античной нумизматике, как А. Н. Зограф¹⁶) считали эти монеты чеканенными на Боспоре во время кратковременного правления Савмака. К. В. Голенко подвергает сомнению такое объяснение монет и рекомендует признать их колхидскими¹⁷. С. Я. Лурье с этим охотно согла-

¹⁴ Боспорские манумиссии: IOSPE, II, 52, 54, 364, 400, 401; ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 66, № 5; херсонесское надгробие — IOSPE, I², 562: lib(erto) [th]repto, очевидно, данный вольноотпущенник был «вскормленником» своего господина.

¹⁵ Работа А. Кэмерона (A. Cameron, ΘΡΕΠΤΟΣ and Related Terms in the Inscriptions of Asia Minor, «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler», Manchester, 1939, стр. 27—62), на которую ссылается С. Я. Лурье (см. стр. 70), ни в какой мере не противоречит нашим выводам, основанным на эпиграфических данных Северного Причерноморья. Из обильного эпиграфического материала римского времени, найденного в Малой Азии и подвергнутого детальному анализу А. Кэмероном, следует, что термин θρεπτός там был употребляем в нескольких значениях. Так как глагол τρέψειν применялся и в смысле «воспитывать свободного человека с детства», и в смысле «вскормливать раба с детства», то производным термином ο θρεπτός, η θρεπτή соответственно называли людей разного социального положения — свободных воспитанников, но еще чаще вскормленников-рабов (см. θρεπτοί of servile status — стр. 39 сл.; очень показательны также надписи, где θρεπτός — вольноотпущенник, стр. 42 сл.). В каждом конкретном случае вопрос решается контекстом или на основании косвенных соображений. С. Я. Лурье подчеркивает, что малоазийские параллели особенно полезны и важны для правильного уяснения того, что имело место в Северном Причерноморье. Это верно. Но, как известно, наиболее тесные экономические и культурные узы связывали античные государства Северного Причерноморья прежде всего с Южным Причерноморьем (начиная с IV в. до н. э.). И в этой связи в высшей степени интересно, как трактовался термин θρεπτός в Вифинии. Из переписки Плиния Младшего с императором Траяном известно, что в правовое понятие θρεπτός там входили дети-подкидыши, воспитанные в рабстве (*in servitute educati*), т. е. превращенные в рабов подобравшими и воспитавшими их людьми (Pli. X, 65, 66; у А. Кэмерона об этом см. стр. 48 сл.; данный вопрос рассматривался также в работе М. И. Максимовой, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 387). Таким образом, один из ближайших к Боспору районов Малой Азии — Вифиния — дает отличную аналогию тому, что нам известно из северопричерноморских манумиссий: θρεπτός — это раб, вскормленный, выращенный с младенческих лет в доме господина. Именно таково, очевидно, было основное, наиболее употребительное значение слова θρεπτός в причерноморских античных государствах. Что касается боспорской надписи, содержащей якобы слово ἐκθρέφαυται в качестве характеристики какого-то крупного царедворца, — эту надпись, по словам С. Я. Лурье, он видел в 1948 г. в Керченском музее (см. стр. 71, прим. 14), — то вряд ли возможно ее принимать в расчет и обсуждать, поскольку такой надписи фактически нет. В новый Corpus боспорских надписей, вполне готовый теперь к изданию, она не вошла, ибо нигде не была обнаружена. Возникает, естественно, мысль, что в записи С. Я. Лурье, вероятно, вкрадлось недоразумение.

¹⁶ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 185.

¹⁷ К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199 сл.; он же, Новый тип монет царя Сав(лака), «Сообщения АН ГрузССР», XXV (1960), № 1, стр. 123 сл.

даризуется, не сделав, правда, никакой попытки самостоятельно разобраться в данном вопросе.

Как же в действительности обстоит дело? Придется рассмотреть вопрос о монетах Савмака *ab ovo*. В 1876 г. А. Заллет опубликовал купленную Берлинским мюнцкабинетом уникальную в то время античную монету, изготовленную из низкопробного серебра. На лицевой ее стороне изображена голова Гелиоса в профиль, на оборотной — голова быка вправо, перед ней — тамга, кроме того, здесь имеется легенда, в которой А. Заллет читал «ΒΑΣΙ ΣΑΥΛ oder vielleicht ΣΑΥΜ»¹⁸.

Херсонесский декрет в честь Диофанта еще не был известен (первая публикация его появилась в 1880 г.), и поэтому у А. Заллете не могла возникнуть мысль о принадлежности данной монеты Савмаку. А. Заллет фактически оказался тогда не в состоянии объяснить происхождение опубликованной им монеты. Он ограничился рядом общих соображений. В конечном счете они сводились к предположению, что монета, чеканенная значительно позже времени Александра Македонского, но ранее Римской империи, могла принадлежать какому-нибудь скифскому или колхидскому царю.

Эта последняя, ничем серьезно не подкрепленная мысль А. Заллете была подхвачена А. Гутшмидтом. Так как А. Заллет колебался в чтении последней буквы и допускал в начертании имени царя ΣΑΥΛ или ΣΑΥΜ, А. Гутшмидт предложил считать монету колхидской, полагая, что надпись на ней обозначает ΒΑΣΙ(ΛΕΩΣ) ΣΑΥΛ(ΑΚΟΥ)¹⁹. Такое восстановление легенды А. Гутшмидт мотивировал сведениями, вычитанными в «Естественной истории» Плиния.

В книге XXXIII, посвященной благородным металлам, Плиний выражает удивление по поводу взимания римлянами контрибуции с побежденных народов только серебром, а не золотом. Показательны в этом отношении условия мира, заключенного римлянами с Карфагеном после победы над Ганнибалом. Огромная контрибуция, которую выплачивали карфагеняне, состояла исключительно из серебра. Последнее представлялось Плинию странным, так как в мире, по его мнению, нет недостатка в золоте. В подтверждение этой мысли Плиний перечисляет примеры из истории. Следуют ссылки на Мидаса, Креза и Кира, обладавших огромным количеством золота. Далее сообщается, что царствовавший в Колхиде Савлак, потомок Эта, получив во владение невозделанную землю, добыл, говорят, очень много золота и серебра как в области племени сванов, так и вообще в своем государстве, прославившись золотым руном. Рассказывают еще также, продолжает Плиний, о золотых сводах, серебряных балках, колоннах и пиястрах, которыми владел Савлак в результате победы над египетским фараоном Сесостриром (NH, XXXIII, 52).

Сугубо легендарный характер всего рассказа очевиден²⁰. Заметим попутно, что почти во всех имеющихся списках «Естественной истории» Плиния имя баснословного правителя Колхиды значится как *Salaues*, *Салавк*, и только в одной рукописи (*cod. Bambergensis*) оно читается — *Saulaces*, *Савлак*²¹.

¹⁸ A. v. Sallert, Zur griechischen Numismatik, ZfN, III (1876), стр. 58 слл.

¹⁹ A. v. Gutschmidt, Saulaces, König von Kolchis, ZfN, III (1876) стр. 150 слл.

²⁰ В своей основе фантастический рассказ Плиния, очевидно, восходит к сообщению Геродота о походе Сесостриса в Колхиду (Негод., II, 103). Однако распространенные в древности легенды на данную тему имели ряд вариантов, и выяснить их фiliation теперь не представляется возможным. По мнению В. Кроля, приведенная Плинием версия исторической басни (*Fabelei*) могла быть заимствована у Юбы (W. Kroll, Saulakes, RE, Suppl., VII, 1940, стб. 1201).

²¹ Это обстоятельство было отмечено самим А. Гутшмидтом.

Оказав предпочтение имени Савлак, ибо оно соответствовало, какказалось А. Гутшмидту, надписи на монете, он все же вынужден был признать невозможным отнесение монет II в. до н. э. к упоминаемому у Плиния Савлаку. По расчетам А. Гутшмидта, плиньевский Савлак жил лет на 1200 раньше, чем появилась монета. Поэтому А. Гутшмидт предположил существование двух одноименных колхидских царей: Савлак I правил еще во второй половине II тысячелетия до н. э., Савлак II царствовал во II в. до н. э.

После того как вышли в свет публикации декрета в честь Диофанта и там обнаружилось имя Савмака, повторным изучением берлинской монеты занялся Р. Вейль. Он тщательно исследовал оригинал и пришел к в высшей степени важному заключению о том, что на монете ясно виден кончик правой вёρхушки буквы М. Таким образом, выяснилось, наконец, что на монете стоит надпись ВАΣΙ ΣΑΥМ²².

Однако поскольку Р. Вейль склонен был датировать монету более ранним временем, чем конец II в. до н. э., у него возникло желание отнести монету не к Савмаку, фигурирующему в декрете херсонесцев, а к другому, который мог быть, по предположению Р. Вейля, представителем династии Спартокидов в период, предшествовавший последнему Перисаду. Р. Вейль не исключал возможности отнесения монеты и к какому-нибудь скифскому царю.

Спустя семь лет после выхода статьи Р. Вейля против его домыслов решительно выступил А. Заллет, публикуя вторую (медную) монету с надписью ВАΣΙ ΣΑΥ, поступившую в 80-х годах в Берлинский монцкабинет. А. Заллет безоговорочно согласился с тем, что на первой монете написано ВАΣΙ ΣΑΥΜ²³. Но гипотезу Р. Вейля о каком-то более раннем Савмаке А. Заллет справедливо отверг. Согласно А. Заллету, все внешние данные монеты, ее стиль говорят за то, что Савмак херсонесской надписи и Савмак, названный на монете, являются одним и тем же лицом²⁴.

Вторую монету с легендой ВАΣΙ ΣΑΥ Заллет уже без малейших колебаний отнес к боспорскому Савмаку, упоминаемому в декрете. При всех последующих изданиях монет с именем ΣΑΥ (к настоящему времени таких монет известно семь)²⁵ учитывались результаты исследования первой монеты, произведенного Р. Вейлем и уточненного А. Заллетом.

²² R. Weil, König Sarmakos, ZfN, VIII (1884), стр. 332.

²³ A. v. Salliet, Die Erwerbungen des Königlichen Münzkabinetts, ZfN, XVI (1888), стр. 3 сл.

²⁴ До появления в 1888 г. статьи А. Заллета, завершившей дискуссию и окончательно установившей принадлежность монет боспорскому Савмаку, в некоторые нумизматические издания 80-х годов монета Савмака (известная тогда только по единственному берлинскому экземпляру) была включена в качестве монеты скифского царя, что явилось отражением предположений, высказанных в 1881 г. Р. Вейлем. См. В. Неда, Historia numorum, Oxf., 1887, стр. 245 (монета Савмака дана в разделе «Kings of the Scythians» наряду с монетами Фарзоя, Скилура, Капиты и др.). В известном каталоге П. О. Бурачкова, Общий каталог монет, принадлежащих греческим колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря, Одесса, 1884, стр. 26, 220 сл., табл. XXV, 37, монета Савмака интерпретировалась аналогичным образом, т. е. как монета скифского царя. П. О. Бурачков считал, что «бунтовщик» Савмака Диофант удалил с Боспора лишь на некоторое время, потом он был отослан обратно в Северное Причерноморье, но уже «на престол скифский, а не боспорский», и когда Савмак был царем «какой-нибудь части Скифии», он чеканил монеты. Размах фантазии автора здесь перешел, пожалуй, все границы.

²⁵ Три монеты хранятся в Берлинском монцкабинете (из них — две серебряные, одна медная); одна — в Британском музее (меди), три — в Государственном историческом музее в Москве (серебро). Монеты распадаются на три типа. На лицевой стороне всех экземпляров — изображение головы Гелиоса (в профиль или вправо), на оборотной — голова быка вправо (4 экз.); крылатая молния (2 экз., причем только на этих монетах голова Гелиоса дана вправо); цветок граната (1 экз.). На одном экземпляре читается ВАΣΙ ΣΑΥΜ, на всех остальных ВАΣΙ ΣΑΥ (описание монет см. в упомянутых выше статьях К. В. Голенко).

Когда стало известно правильное чтение легенды на первой монете — $\beta\alpha\sigma(\lambda\epsilon\omega)\Sigma\alpha\mu(\dot{\alpha}\kappa\omega)$, — А. Гутшмидт, конечно, не мог отстаивать свою догадку относительно Савлака. Неудачная гипотеза была законно предана забвению. Но, как оказалось, не навсегда. В 1951 г. давным-давно отброшенную версию А. Гутшмидта о колхидском царе Савлаке «воскресил» К. В. Голенко, полагающий, что ему удалось опровергнуть наблюдения Р. Вейля, не прибегая при этом даже к изучению подлинника.

Р. Вейль, внимательно исследовав оригинал, пришел к убеждению, что на монете в начертании имени царя заметна верхушка правой стороны буквы мю и что, следовательно, в надписи, передающей имя царя, читается $\Sigma\alpha\mu(\dot{\alpha}\kappa\omega)$. Согласно же К. В. Голенко, выявленная Р. Вейлем часть буквы М может быть вершинкой следующей за А буквы А. Стало быть, надпись состояла не из четырех, а из пяти букв. Путем столь несложных, чисто умозрительных рассуждений К. В. Голенко одним махом ликвидировал чтение $\Sigma\Lambda\Upsilon\text{M}$, получил нужное ему $\Sigma\Lambda\Upsilon\text{L}\text{A}$, а колхидский царь II в. до н. э. Савлак, придуманный А. Гутшмидтом, стал реальной исторической личностью.

Кому же мы все-таки должны поверить — Р. Вейлю и А. Заллету или К. В. Голенко? Наиболее надежным и беспристрастным судьей в данном споре, очевидно, может быть сама монета, к которой и надлежит обратиться. За отсутствием возможности ознакомиться непосредственно с оригиналом воспользуемся доступным нам хорошим слепком²⁶.

Фотографирование слепка при различном направлении света позволило изготовить ряд увеличенных снимков (рис. 2)²⁷. Как показывают они, нижний правый край штемпеля на реверсе вышел за границы монетного кружка, вследствие чего последняя (четвертая) буква (нижней надписи) отчеканилась не полностью. Однако верхушка правой части этой буквы видна.

Характерная особенность шрифта надписи — апицированность кончиков букв, которые имеют форму «шариков», что обусловлено соответствующей техникой резьбы надписи на штемпеле. Явление это было широко распространено, и его можно наблюдать на большом числе античных монет начиная с очень раннего времени²⁸. На интересующей нас монете в нижнем ее поле у правого края очень хорошо видно, как рядом с шариком (арех) левой верхушки крайней буквы на близком расстоянии выступает такой же шарик правой верхушки буквы («oberer Kopf», как его называл Р. Вейль). Максимально точный рисунок, сделанный со слепка монеты (рис. 3, I), наряду с фотографиями показывает, что можно видеть на монете. Рисунок 3, 2 поясняет, какой — соответственно имеющимся на монете данным — была четвертая буква в полном виде. Ею могла быть только буква М. Рисунок 3, 3 доказывает, почему здесь нет места для буквы А, следующей якобы за буквой А²⁹.

²⁶ Заведующий Берлинским музеумом проф. А. Зуле любезно прислал в Ленинград, в Нумизматический отдел Эрмитажа, гипсовые слепки с трех монет, в том числе и с той, которая была впервые опубликована в 1876 г. (с надписью $\Sigma\Lambda\Upsilon\text{M}$). Одна из этих трех монет оставалась до последнего времени неизданной (теперь ее опубликовал Голенко, Новый тип монет царя Савлака]).

²⁷ Фотографирование произвела М. Г. Агаронян в лаборатории ЛОИА АН СССР.

²⁸ Apices в форме «шариков» на буквах монетных надписей особенно хорошо прослеживаются по изображениям, приведенным вальбом «Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum», Photographien von M. Hrbas und J. Marso, Text von K. Dittrich, Praha, 1959, табл. 25, 35, 72, 80, 86 и др.

²⁹ На невозможность принять верхушку правой части буквы М за верхушку альфы, стоящей якобы за ламбдой, указал еще в 1952 г. В. В. Струве (в докладе, прочитанном на объединенном заседании секторов ЛОИИ и ЛОИИМ, посвященном памяти С. А. Жебелева), основывая свое заключение на анализе схематического рисунка монеты, бывшего тогда в его распоряжении. Вывод В. В. Струве наилучшим образом подтвержден теперь результатами изучения точного слепка монеты.

Как видим, результаты исследования монеты, произведенного в свое время Р. Вейлем, а также А. Заллетом и приведшего их к выявлению надписи ΣΑΥΜ, остаются в силе.

Весьма сочувственно отнесясь к «оживлению» гутшмидтовского Савлака, Д. Г. Капанадзе с недоумением заявляет: зачем-де «при наличии совершенно отчетливой буквы Λ предполагать пока еще не видную букву Μ»³⁰. Но дело-то как раз в том, что на монете нет «отчетливой буквы Λ», а есть хотя не совсем четкая, но достаточно определенная и не вызывающая сомнений буква Μ.

Признав отсутствие каких-либо оснований для ревизии уже давно установленной атрибуции первого берлинского экземпляра, мы должны, конечно, и всю серию монет, на которых читается ΒΑΣΙ ΣΑΥ, отнести также к Савмаку.

Если отрешиться от мнимой надписи с именем колхидаического царя, то все прочие аргументы, выдвигаемые в пользу признания монет Савлака, окажутся не имеющими ровно никакой доказательной силы. Возьмем, например, монетные типы. Появление на монетах предполагаемого Савлака таких эмблем, как обрамленная лучами голова, молния, гранатовый цветок, К. В. Голенко объясняет воздействием монет Селевкидов. Но это все, строго говоря, бездоказательные домыслы, так как нет никаких достоверных колхидаических монет, которые могли бы подтвердить существование такого рода «влияний» на монетную чеканку Колхиды в эллинистический период.

Совсем по-иному выглядит дело, когда мы подходим к тем же монетам как боспорским. Свойственные им типы оказываются тесно связанными с предшествующим чеканом монет на Боспоре. Таковы не только изображения головы быка, молнии, но также головы Гелиоса, цветка граната. Неизвестно, исходя из чего К. В. Голенко увидел на этих монетах голову царя, увенчанную «радиальной короной». Наряду с изображением в профиль имеются монеты, на которых окаймленная лучами голова представлена впрямь. Это доказывает, что голова принадлежит культовому, мифологическому персонажу — в данном случае, конечно, Гелиосу, а отнюдь не является изображением царя. Головы царей на монетах в эллинистическую эпоху воспроизводились в профиль, а не в фас.

Итак, на всех монетах Савмака на лицевой их стороне представлено изображение головы Гелиоса. Между тем непосредственно перед скифским восстанием и захватом власти Савмаком боспорский город Горгиппия выпускал серебряные монеты с головой Гелиоса, кстати сказать, в стилистическом отношении очень близкой аналогичному профильному изображению на монетах Савмака³¹. Тогда же Фанагория чеканила серебряные монеты

³⁰ Д. Г. Капанадзе, Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку», ВДИ, 1951, № 4, стр. 204; он же, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 41. В дальнейшем оба автора, выступая как полные единомышленники, стали безоговорочно представлять монеты Савмака в качестве монет «колхидаического царя Савлака», полагая, что не следует придавать значения сомнениям, так как последние якобы «не были обоснованы» (см. Д. Капанадзе и К. Голенко, К вопросу о происхождении колхидаиков, ВДИ, 1957, № 4, стр. 95).

³¹ Зограф, ук. соч., стр. 182, табл. XLII, 14; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 176, табл. IX, 115. Поскольку построениям, имеющим целью доказать, что монеты Савмака являются монетами Савлака, горгиппийская монета явно мешает, К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, стр. 201, предложил для нее сначала такой «отвод»: «... эта монета чеканена не в Пантике, а на далекой окраине Боспора и поэтому не могла быть использована Савмаком как образец для своей чеканки». Таким образом, монеты Горгиппии — одного из крупнейших центров Боспора — по воле автора фатальным образом стали недоступными для жителей Пантике. В следующей статье К. В. Голенко выдвинул, уже более «веский» аргумент. Оказывается, горгиппийская монета «внушает известные сомнения» (Новый тип монет царя Сав(лака), стр. 125). Почему вдруг эта монета показалась автору «сомнительной» — неизвестно.

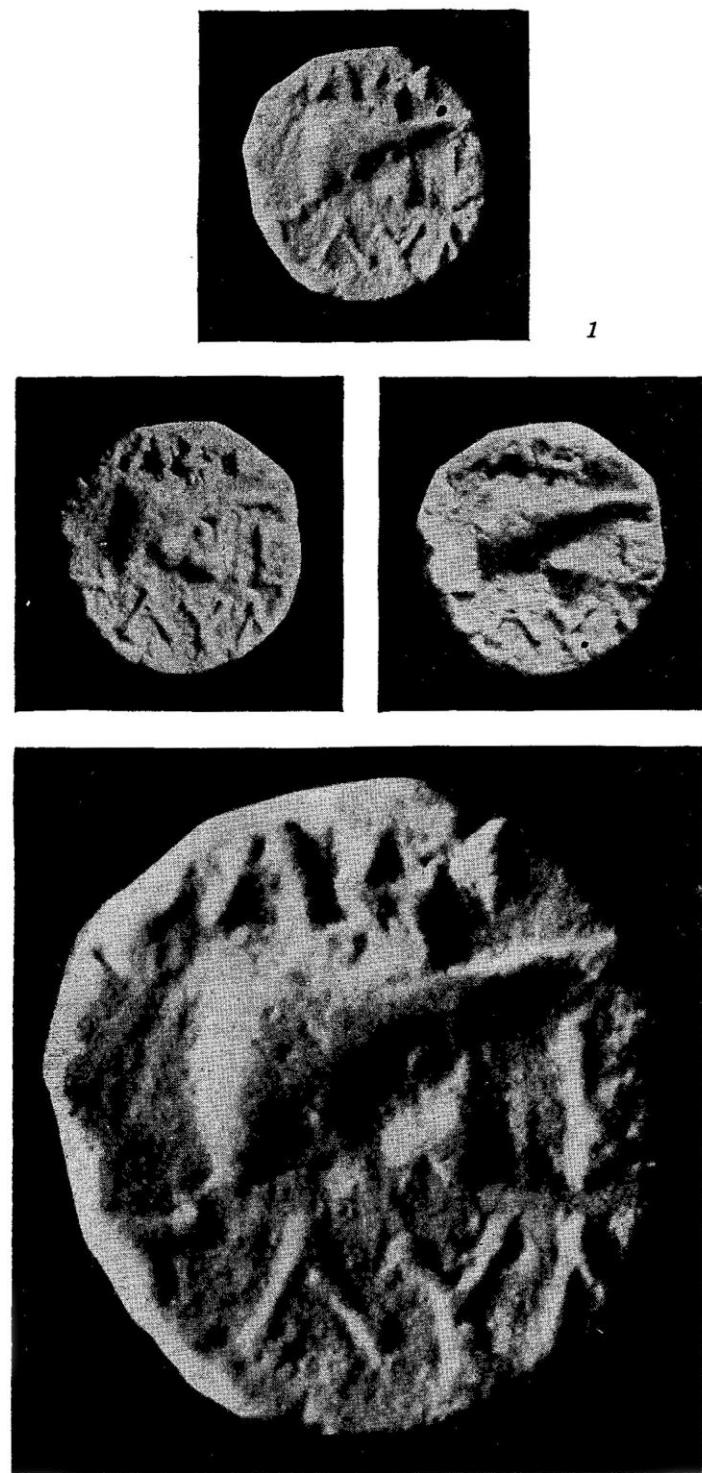

Рис. 2. Фотоснимки реверса монеты Савмака. 1, 2, 3 — увеличение 3 : 1; 4 — увеличение 8 : 1

с изображением цветка граната³². И что же выясняется? На серебряной монете Савмака (хранится в Берлинском мюнцкабинете), ставшей только теперь известной, также помещено изображение цветка граната. И в данном случае, следовательно, тип монеты Савмака обнаруживает свои местные корни. Весь репертуар типов, примененный на монетах Савмака, восходит к серии типов, известных уже раньше на Боспоре. Стало быть, монеты Савмака обнаруживают явные генетические связи с традициями боспорского монетного дела. Наконец, и весовые их данные вполне соответствуют монетам малого номинала, выпускавшимся на Боспоре во II в. до н. э.

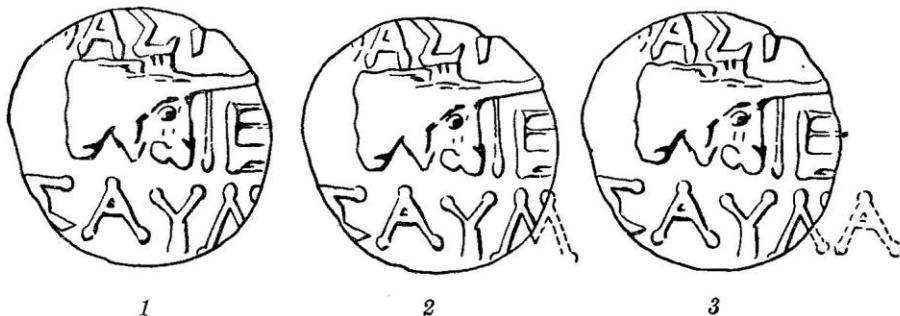

Рис. 3. Графическое воспроизведение реверса монеты Савмака (увеличение 3,5 : 1)
1 — реверс; 2 — с восстановлением имени Савм(ака); 3 — с восстановлением предполагаемого имени Савла(ака)

Последний вопрос — место находок. Дважды монеты Савмака, по-видимому, были найдены на восточном, кавказском, побережье Черного моря. Правда, эти сведения основаны на показаниях лиц, продававших монеты, а, как мы знаем, это источник очень ненадежный. Пусть в данном случае показания продавцов все же правильны³³. Спрашивается, а где

³² З о г р а ф, ук. соч., стр. 181, табл. XLII, 12; Ш е л о в, ук. соч., стр. 176, табл. IX, 115. В появлении таких эмблем, как голова Гелиоса (на монетах Горгипии) и цветок граната (на монетах Фанагории), не без основания усматривают влияние Родоса, с которым во II в. до н. э. Боспор поддерживал особенно интенсивные торговые сношения (см. Ю. С. К р у ш к о л, Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху, ВДИ, 1957, № 4, стр. 115; Д. Б. Ш е л о в, К истории связей эллинистического Боспора с Родосом, СА, XXVIII, 1958, стр. 333 сл.; см. также П. И. К а р и ш к о в с к и й, З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос, «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. II, Одесса, 1959, стр. 76 сл.).

³³ Перую монету Савмака Берлинский музей купил у некоего Вилья (Will), по словам которого она была выброшена Черным морем и подобрана на его восточном побережье, подобно многим известным маленьким серебряным «колхидкам» (S a l l e t, Zur griechischen Numismatik, стр. 59). Эти данные о происхождении монеты были потом воспроизведены А. В. Орешниковым, но в искаженном виде: «Виль сообщил, что она найдена вместе со многими серебряными колхидскими монетами на восточном берегу Черного моря» (А. О р е ш н и к о в, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1914, стр. 6). На самом же деле Виль не говорил, что монета Савмака была найдена «вместе» с колхидскими монетами. О трех монетах Савмака, поступивших в Исторический музей, А. В. Орешников в этой же работе писал: «...Мне лично пришлось приобрести для Исторического музея несколько серебряных колхидских монет, найденных, как мне сказали, близ Сухума, и между ними были три монеты Савмака...». И в данном случае ничего не сказано о совместном нахождении «колхидок» и монет Савмака. Монеты были проданы совместно — это верно. А как их нашли — неизвестно. Между тем Д. Г. Капанадзе считает особенно знаменательными совместные находки монет Савмака с «колхидками» и полагает, что указанное обстоятельство является веским аргументом в пользу колхидского происхождения монет Савмака. В действительности же «знаменательным» следует считать возникновение версии о «совместных находках» при полном отсутствии для этого фактических данных.

были найдены еще три экземпляра монет Савмака? Сведений об этом нет, но кто может поручиться, что они происходят не с территории Боспора?

Сам по себе факт находки нескольких монет Савмака на восточном черноморском побережье, конечно, не может служить доказательством их небоспорского происхождения³⁴. На кавказском побережье Черного моря и в Закавказье боспорские монеты встречаются довольно часто³⁵. Они свидетельствуют, в первую очередь, о торговых связях. Систематически находимая при раскопках боспорских городов колхида керамика (пифосы)³⁶ является также убедительным подтверждением существования торгового обмена между Боспором и Колхидой, который, несомненно, шел через греческие колонии Юго-Восточного Причерноморья Диоскуриаду и Фасис. Подобно другим боспорским монетам, вполне могли попасть на кавказское побережье и монеты Савмака. Последние оказались там, возможно, не столько в результате обычного завоза иноземных монет купцами или моряками, сколько по другой причине, связанной с драматическим финалом восстания Савмака.

Карательная экспедиция Диофанта громила повстанцев, двигаясь от Феодосии в восточном направлении на Пантиапей, взятием которого и закончилось подавление мятежа. После полного поражения какое-то количество уцелевших участников движения Савмака, очевидно, бежало на территорию «азиатского» Боспора, а отсюда — на Кавказ. Таков наиболее вероятный путь отхода разбитых Диофантом вооруженных контингентов Савмака и всех его активных приверженцев, которые должны были спасаться от репрессий. Пожалуй, ничего не было бы невероятного и в предположении, что при отступлении из Пантиапея разгромленные повстанцы захватили с собой остатки монетных запасов, чтобы они не попали в руки врага. Как бы то ни было, находка нескольких монет Савмака вне пределов Боспора, на кавказском побережье, вполне объяснима, и она не дает повода для сомнений в принадлежности этих монет боспорскому чекану времени правления Савмака³⁷.

Основной тип монет Савмака — изображение головы Гелиоса — был уже раньше известен на Боспоре, в Горгиппии. Но позволительно задумать-

³⁴ Позиция А. В. Орешникова в отношении монет Савмака отличалась крайней непоследовательностью. Соглашаясь с тем, что это монеты Савмака, он вместе с тем колебался, надлежит ли их приписать именно боспорскому Савмаку, имея в виду «двуправильные находки монет царя ΣΑΥΜ... на восточном берегу Черного моря». Однако при этом сам же А. В. Орешников признавал, что, «конечно, монеты Савмака могли случайно попасть на кавказское побережье, независимо от места их чекана» (ук. соч., стр. 6—7).

³⁵ Д. Г. Карапандзе, К вопросу об экономических связях Северного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 139 слл.

³⁶ Б. А. Кутфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 72, прим. 1; В. М. Скуднова, Находки колхида монет и пифосов в Нимфе, ВДИ, 1952, № 2, стр. 239 сл.; В. Ф. Гайдукевич, Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., МИА, № 25, 1952, стр. 209; он же, Мирмекий, Варшава, 1959, стр. 46; И. Б. Зест, Раскопки Гермонассы, КСИИМК, 58 (1955), стр. 117 сл.

³⁷ Карапандзе, Несколько добавочных замечаний, стр. 204, обратил внимание на то, что несмотря на широко ведущиеся в последний период раскопки боспорских городов, там не найдено монет Савмака. Это тоже якобы является подтверждением их небоспорского происхождения. Аргумент абсолютно неубедительный. Можно было бы назвать десятки известных типов боспорских монет, которые еще не были обнаружены при раскопках, производившихся (как в прошлом, так и в настоящем) на Боспоре. Однако никто не решился исходя из этого взять под сомнение принадлежность таких монет Боспору. Что касается монет Савмака, то вряд ли они могли очень широко распространяться на Боспоре. Слишком кратким был период царствования Савмака. К тому же эти одиозные монеты, вероятно, были старательно изъяты из обращения после подавления восстания. Естественно, что монеты Савмака скорее можно обнаружить в местах, куда бежали участники восстания, нежели на территории самого Боспора.

ся над тем, почему именно данный тип был усвоен и использован для монет Савмака и стал его своеобразным символом. На этот вопрос мы пытались ответить («Боспорское царство», стр. 304), предполагая идейную близость между повстанческим движением на Боспоре и восстанием Аристоника в Пергаме, участники которого — их ряды состояли из бедноты и рабов — именовались «гелиополитами»³⁸. Восстание Савмака вспыхнуло почти через 20 лет после восстания Аристоника, и его идеи о «солнечном государстве» вполне могли быть подхвачены на Боспоре. Во всяком случае Гелиос на монетах Савмака заставляет вспомнить «гелиополитов» Аристоника. В этой связи интересно отметить, что М. И. Ростовцев, несмотря на свои сомнения относительно трактовки Савмака как царского раба, все же безоговорочно признал правильной мысль о сходстве восстаний Савмака на Боспоре и Аристоника в Пергаме³⁹.

Рассмотрев всесторонне вопрос о монетах Савмака, мы вправе заключить, что С. Я. Лурье слишком торопился, уверовав в их «опровержение». В действительности эти монеты были и остаются ценным нумизматическим источником, освещющим острый социально-политический кризис, пережитый Боспором в конце II в. до н. э.

Не ограничиваясь критикой выводов С. А. Жебелева, С. Я. Лурье предлагает свою интерпретацию описанных в херсонесском декрете событий, в том числе и восстания Савмака. С рядом утверждений, высказанных С. Я. Лурье в указанной связи, особенно же с его толкованием восстания, согласиться невозможно.

Не убеждает, прежде всего, объяснение цели пребывания Диофанта на Боспоре во время первой кампании. Базируясь на Херсонес и осуществляя оттуда свой стратегический план, Диофант, как известно, сначала добился подчинения «окрестных» тавров. В результате была обеспечена безопасность тыла его войск, готовившихся к решительному наступлению на скифов. Затем Диофант отбыл на Боспор и там «в короткое время совершил много очень важных дел» (*πολλάς καὶ μεγάλας ἐν διήγου τράξεις ἐπιτελέσας*). По мнению С. Я. Лурье, Диофант тогда вел в восточном Крыму военные действия против скифов, находившихся у границ Боспора.

В декрете, однако, нет даже намека на это. Если бы Диофант на Боспоре действительно руководил какими-нибудь боевыми операциями, составители декрета едва ли ограничились бы столь сухой и достаточно бесцветной фразой, что вполне правильно было отмечено еще С. А. Жебелевым.

По-видимому, Диофант в то время провел первые переговоры о передаче Боспора под протекторат Митридата. Одновременно, может быть, им были осуществлены и некоторые меры по укреплению крымской границы Боспора, являвшейся фактически восточным флангом театра военных действий против скифов.

Вернувшись в Херсонес, Диофант предпринял наступление. Его войска двинулись *εἰς μέσαν τὰς Σκυθίας* и захватили главные скифские центры. В декрете они названы *τὰ βασίλεια*, и В. В. Латышев правильно перевел — «царские (крепости)». Почему-то С. Я. Лурье видит в *τὰ*

³⁸ S t r a b., XIV, 1, 38; H. L a s t, САН, IX, 1932, гл. III, § 1 («Asia and Revolt of Aristonicus»), стр. 103 сл.; U. W i l c k e n, Aristonicus, RE, II, 1 стб. 968; С. А. Жебелев и С. И. Ковалев, Великие восстания рабов в Риме, ИГАИМК, вып. 101, 1934, стр. 158 сл.; В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 56, 129 сл.

³⁹ M. R o s t o v t z e v, ук. соч., стр. 1512: «...Проф. Жебелев прав, указывая на сходство между восстанием Савмака и восстанием Аристоника».

βασίλεια «резиденцию одного из начальников скифских племен», хотя та βασίλεια (множественное число!), несомненно, относится к обоим важнейшим скифским городам — Хабеям и Неаполю. Потеряв свои основные крепости, скифы капитулировали и, как сказано в надписи, «почти все» (*σχέδον πάντος*) признали себя подвластными царю Митридату. Диофант и его войска после этого вернулись в Понт.

Вторая кампания, которая проходила под командованием Диофанта в Крыму примерно спустя год после первой, была более длительной и сложной. Но и она закончилась для скифов полной неудачей, хотя им теперь помогали ревксиналы (роксоланы). После генерального сражения, в котором скифы вместе с их союзниками были наголову разбиты, Диофант двинулся на Хабеи и Неаполь и, очевидно, овладел ими. К сожалению, стк. 30—31, которыми, несомненно, завершалось описание второй военной кампании⁴⁰, очень испорчены и не поддаются убедительному восстановлению. Сохранившееся слово φυγῆ позволяет думать, что остатки основных скифских сил, подвергшихся разгрому, разбежались.

На основании частично уцелевшей стк. 31, в которой читается τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας περὶ τῶν καθ' ἑαυτο..., и слова βουλεύσασθαι в следующей строке С. Я. Лурье предполагает какое-то второе скифское племя, которое-де уцелело и что-то еще замышляло. Гадание тут едва ли может дать полезные результаты. Гораздо важнее другое. Военные силы Скифского государства после повторного их разгрома Диофантом никакой реальной опасности уже больше не представляли. Это видно из того, что, заняв главные скифские центры, чем фактически закончилась вторая военная кампания против скифов, Диофант прибыл на Боспор без войск.

Согласно С. Я. Лурье, стк. 32 якобы свидетельствует о переносе Диофантом военных действий на Боспор. Однако такой вывод ни на чем не основан. Беспомощное положение Диофанта, который вынужден был бежать на корабле, присланном за ним херсонесцами, свидетельствует об отсутствии войск в распоряжении митридатовского полководца, когда тот находился на Боспоре. Поэтому-то никакого противодействия восставшим боспорским скифам он оказать и не мог.

Очевидно, еще до того как Диофант выехал на Боспор, его войска были отправлены обратно в Понт, так как война со скифами считалась законченной. Если бы pontийские войска продолжали стоять в Крыму, то Диофант после бегства в Херсонес сумел бы быстро мобилизовать силы и двинуть их на подавление восстания Савмака. Между тем ему пришлось из Херсонеса направиться в Понт, и только к весне следующего года он смог предпринять свой третий поход — на этот раз для военных действий на Боспоре.

Таким образом, второе посещение Боспора Диофантом также не было связано с какими-либо военными задачами, оно преследовало, несомненно, чисто политические цели, определявшиеся переходом верховной власти к Митридату. В это время и произошло выступление Савмака, которое завершилось государственным переворотом. Глагол νεωτορίζειν, примененный в стк. 34 херсонесского декрета, делает возможным только такое понимание данного события.

Кто же совершил переворот? Так как Савмак был царским рабом — а это, как мы знаем, очень убедительно показал С. А. Жебелев, — то и

⁴⁰ P. Foucart, Décret de la ville de Chersonéos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate, BCH, V (1881), стр. 84. П. Фукар обратил внимание на то, что в стк. 32 между словами βουλεύσασθαι и εἰς(—) на камне имеется промежуток, сделанный, очевидно, для того, чтобы оттенить конец одного и начало другого раздела текста.

возглавленное Савмаком восстание, согласно С. А. Жебелеву, следует рассматривать как восстание скифов-рабов. Этот вывод С. А. Жебелева, однако, не находит как будто надлежащего соответствия в херсонесском декрете. Там ведь говорится не о восстании рабов, а о восстании, учиненном скифами. Слово «скиф» — этнический термин, в Северном Причерноморье оно никогда не служило синонимом понятия «раб»⁴¹. Не следует ли отсюда, что заключение С. А. Жебелева о восстании Савмака ошибочно? Безусловно нет.

Выяснив социальное лицо Савмака, С. А. Жебелев тем самым нашел ключ к раскрытию сущности восстания как социального движения. Что же касается конкретного определения его главной движущей силы — С. А. Жебелев считал таковой скифских рабов, — то оно нуждается в уточнении, о чем речь будет ниже. Но это ни в какой мере не может поколебать основ концепции. Главное определяется в ней следующими положениями. Восстание Савмака — это не просто результат этнического антагонизма (скифы — греки), а следствие внутренних классовых противоречий, свойственных Боспорскому рабовладельческому государству; движение Савмака — это выступление низовых слоев населения против господствующей социальной верхушки, угнетавшей и эксплуатировавшей трудящихся, значительная масса которых состояла из скифов.

У С. Я. Лурье восстание Савмака рисуется в ином виде (ук. соч., стр. 77 сл.). С его точки зрения, Савмак был предводителем скифского племени. Оно поселилось на Боспоре или близ его границ. Скифы этого племени, будучи союзниками Скилура, предприняли поход на Боспор и убили боспорского царя. Как другую возможность С. Я. Лурье допускает, что восстание было внутренним волнением, вызванным войском.

Прежде всего, совершенно невероятно, чтобы на территории европейского Боспора жило какое-то скифское племя, сохранившее во II в. до н. э. в неприкосновенности племенную организацию, которую возглавлял к тому же вождь племени. В источниках нет ничего, что давало бы право на подобные предположения. И какой же мощью должно было обладать такое племя, если оно оказалось в состоянии почти молниеносно захватить весь европейский Боспор и убить царя, иными словами, осуществить то, чего не смог сделать в свое время Скилур, располагавший силами целого Скифского государства?

Неправдоподобна и гипотеза о пограничном скифском племени, которому С. Я. Лурье также склонен приписать восстание. В декрете тогда шла бы речь не о государственном перевороте, а о нападении скифов, о вторжении и захвате ими Боспора. Предположение же о волнениях, зачинщиком которых было войско, настолько произвольно и лишено опоры в реальных данных, что едва ли можно вообще серьезно это обсуждать.

Если оставить в стороне последнюю гипотезу, то все остальное, предлагаемое С. Я. Лурье, сводится к мысли: восстание Савмака — продолжение завоевательных устремлений скифов, имевших целью захват греческих городов Северного Причерноморья. При этом Савмак выступает в качестве своего рода сателлита царя Скилура. Война же скифов против греческих государств Северного Причерноморья рисуется как наступление «варваров» против рабовладельческого строя, хотя, как известно, Скифское царство Скилура само являлось, несомненно, государством рабовладельческим. Но если восстание Савмака — это всего лишь эпизод в войне ски-

⁴¹ Б. Н. Граков, Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, XVI (1947), стр. 79 слл.

фов с причерноморскими государствами, то, естественно, должно было бы иметь место какое-то взаимодействие между скифами Боспора и скифами центрального Крыма. Вполне логичной, в частности, была бы активизация последних после захвата власти Савмаком. В действительности же ничего подобного не произошло. В этом убеждает, между прочим, маршрут третьего похода Диофанта. Его военные операции против Савмака проводились только на боспорской территории восточного Крыма, начиная от Феодосии. В центральном Крыму обстановка оставалась спокойной.

Как ни тяжело было поражение, понесенное скифами центрального Крыма в результате двукратного их разгрома войсками Диофанта, трудно поверить, что скифский царь не имел никакой возможности откликнуться на восстание боспорских скифов и действительно поддержать его. Если все же Скилур не вмешивался в происходившие на Боспоре события, то это чем-то было обусловлено.

Очевидно, выступление Савмака преследовало совсем не те цели, которые ставили перед собой правители Скифского государства, ведя борьбу за подчинение греческих колоний. Правители Скифского рабовладельческого государства, по-видимому, воспринимали восстание, направленное против рабовладельческой верхушки Боспора, независимо от этнической принадлежности ее представителей, как чуждое и даже враждебное их интересам движение, и поэтому они оставались в стороне от него.

Попытки истолковать восстание Савмака, предпринятые (в порядке противопоставления концепции С. А. Жебелева) сначала А. С. Коцевловым, а затем С. Я. Лурье, страдают одним общим для них коренным недостатком. За ними кроется непонимание того, какое место занимало скифское население в Боспорском государстве и какую оно играло в его социально-экономической жизни.

Восстание Савмака — факт внутренней жизни Боспора. Но мало сказать, что оно произошло внутри Боспора, необходимо еще учесть, что главным его очагом была столица государства — Пантикопей, где повстанцы сумели быстро справиться с боспорским царем Перисадом. Диофант избежал той же участи только благодаря присылке за ним корабля из Херсонеса. Переворот, следовательно, совершили боспорские скифы. Еще первый издатель херсонесского декрета В. Н. Юрьевич с полным основанием писал о скифах, «обитавших в большом числе в самом Боспорском государстве». Он же вряд ли был далек от истины, утверждая, что «сама Пантикопея была... наполнена скифами, с помощью которых удалось Савмаку сделать революцию» (ук. соч., стр. 39).

В составе населения европейской части Боспора скифов, несомненно, было много. Хорошо осведомленный Псевдо-Скилак (вторая половина IV в. до. н. э.), характеризуя восточный Крым, писал, что там *εἰσὶ Σκύθαι*, а все важнейшие боспорские города (*πόλεις Ἐλληνίδες*), включая Пантикопей, перечислены им как города, расположенные на территории, где коренное население состоит из скифов (Ps.-Scyl., Peripl., 68). Керченский полуостров, будучи продолжением степной области Крыма, первоначально служил кочевьем скифов (Herod., IV, 100). Однако по мере роста могущества Боспорского государства и расширения его аграрного хозяйства, кочевники отходили в глубь Крыма, за пределы сельскохозяйственной хоры Боспора. Но одновременно с этим на Керченском полуострове часть скифов «оседала», превращаясь в земледельческое население, подчиненное Боспорскому государству. Основная масса сельских жителей Боспора, в восточном Крыму — в отличие отnomadov, их называли *γεωργοί*, как сообщает Страбон (VII, 4, 6) — состояла, несомненно, из людей скифского происхожде-

ния. Подвергаясь культурному воздействию боспорских городов, это население постепенно эллинизировалось, но не до такой степени, чтобы уже во II в. до н. э. полностью утратить свою этническую специфику.

Какое-то количество скифов обосновалось и в городах. Как показывают, например, богатые скифские курганы V—IV вв. до н. э. в Нимфе, некоторые поселившиеся в городах скифы принадлежали к слою состоятельных горожан⁴². Очевидно, гораздо больше скифов нашло себе место в среде городского рабочего люда, трудившегося в различных отраслях материального производства.

Вероятно, были и скифы-рабы, хотя об этом в источниках сведений нет. Поставщиками рабов в Северном Причерноморье были кочевники. Царские скифы, являвшиеся соседями Боспора в Крыму, могли сбывать боспорцам захваченных в плен представителей других скифских племен. Скупка рабов происходила и в азиатской части Боспора, особенно в районе дельты Танаиса, где, как мы знаем достоверно, находился крупный рынок рабов (Strab., XI, 2, 3). Продавцами их были главным образом кочевники-сарматы, поэтому в числе доставлявшихся сюда невольников вполне могли быть рабы-скифы.

Наиболее же мощный слой скифского населения на Боспоре, в восточном Крыму, составляли, безусловно, сельские жители (*γεωργοί*). Вряд ли можно видеть в них рабов. Скорее, это были зависимые земледельцы, которых называли на Боспоре пелатами (*πελάται*), о чем известно из надписи времен царя Ремиталка (IOSPE, II, 352). Пелаты, обитавшие в деревнях (*χώματα*), по-видимому, вели свои небольшие хозяйства на землях, принадлежавших царю, представителям знати и т. д. Владельцы земли получали *φόρος* и таким путем присваивали себе определенную долю плодов труда пелатов; личная свобода их, возможно, в той или иной мере была ограничена, хотя формально они рабами не являлись⁴³.

Самым приемлемым и точным, с нашей точки зрения, было бы следующее определение восстания Савмака. Переворот произвели жившие на Боспоре — в его городах и селах — скифы, которые представляли значительную массу непосредственных производителей, эксплуатируемых в различных сферах экономики, особенно широко в сельском хозяйстве. Едва ли не главной и решающей силой, придавшей столь внушительный характер восстанию, было именно сельское население, состоявшее из скифов-пелатов⁴⁴.

В процессе развития повстанческого движения в него, очевидно, втянулись все трудящиеся, включая рабов. Восстание Савмака, по всей видимо-

⁴² Л. Ф. Си ла н т ь е в а, Некрополь Нимфея, МИА, № 69, 1959, стр. 95 сл.

⁴³ Более подробно этот вопрос был нами рассмотрен в «Боспорском царстве», стр. 152 сл., см. также наш очерк «История античных городов Северного Причерноморья», сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 113. Аналогичной точки зрения придерживается В. Д. Б л а в а т с к и й, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 178, полагающий, что зависимые земледельцы «представляли большинство производителей в сельском хозяйстве Боспора». О зависимых земледельцах-пелатах на Боспоре писал В. В. С т р у в е, Восстание Савмака, стр. 36 сл., приведший ряд ценных исторических параллелей. Эксплуатацию зависимых земледельцев как основную форму эксплуатации сельского населения Боспора признавал и М. И. Ростовцев, однако он методологически неправомерно называл боспорских зависимых земледельцев «крепостными (serfdom)», переходя тем самым понятия, свойственные феодализму, на античное общество (R o s t o v t z e v, ук. соч., I, стр. 241; III, стр. 1512; см. также САН, VIII, 1930, стр. 583).

⁴⁴ Мысль о ведущей роли скифского сельского населения (*ländliche Bevölkerung der skythischen Ackerbauer*) в восстании Савмака была впервые высказана Б р а н - д и с о м, RЕ, III, 1897, стр. 774. Менее плодотворной была его попытка рассматривать восстание Савмака как борьбу двух «партий», борьбу скифского населения деревень с греческим населением городов. Из херсонесского декрета следует, что восстание охватило также и боспорские города.

сти, было действительно очень сходно с восстанием Аристоника в Пергаме⁴⁵. И поэтому, как нам представляется, нет оснований суживать социальную базу движения Савмака рамками «восстания рабов». Очевидно, оно имело гораздо более широкий характер. Собственно рабы были, скорее всего, только одним из элементов среди участников восстания.

Огромный размах восстания, охватившего весь восточный Крым, в том числе крупнейшие боспорские города — Феодосию и Пантикопей, подтверждает участие в нем очень большой массы низового населения. Вероятно, сюда входила и скифская городская беднота, и земледельцы-пелаты, и рабы⁴⁶. Вероятно, что к восставшим примкнули также и неимущие из состава свободных жителей-греков. О масштабах восстания красноречиво говорит длительность военных приготовлений, которые понадобились Диофанту, прежде чем он решился двинуться на Боспор для ликвидации переворота, который был завершен провозглашением Савмака правителем Боспорского государства, в чем убеждают монеты, чеканенные с его именем.

Когда окончательно оформлялся договор об установлении власти Митридата VI, укреплявший позиции господствующего класса на Боспоре и вместе с тем лишавший трудовой люд надежды на возможность ослабления эксплуататорского гнета, — в этот критический момент произошел взрыв. Его ударная сила была направлена против правящей верхушки, пытавшейся поправить свое катастрофическое положение посредством передачи управления Боспорским государством иноземному царю⁴⁷.

Бессспорная заслуга С. А. Жебелева состоит в том, что он вскрыл социальный характер восстания Савмака, рассматривая его как движение угнетенных масс против своих эксплуататоров. Это главное положение в исследовании С. А. Жебелева безусловно правильно. Верно также и то, что восстание Савмака было одним из звеньев в той цепи рабских восстаний, которые во II—I вв. до н. э. прокатились мощной волной по античному миру, захватив и его далекую северо-восточную периферию — Боспорское царство.

⁴⁵ Население Боспора, несомненно, было хорошо осведомлено о восстании Аристоника в Пергаме, так как во II в. до н. э. между Пергамом и Боспором поддерживались регулярные торговые связи, что подтверждается обильными находками пергамской керамики, обнаруживаемой как в некрополях, так и при раскопках развалин боспорских городов.

⁴⁶ Очевидно, именно поэтому в херсонесском декрете говорится не о восстании рабов, а о восстании скифов. Такое более широкое «этническое» определение охватывало все группы скифского населения, причастного к восстанию, в котором собственно рабы, вероятно, и не занимали первого места в численном отношении.

⁴⁷ Нельзя не заметить, что окончательная передача власти над Боспором Митридату VI состоялась после того, как скифы центрального Крыма были совершенно разгромлены в результате второго похода Диофанта и когда угроза захвата Боспора скифами извне уже потеряла свою остроту и актуальность. Тем не менее правящие верхи Боспора не отказались от митридатовского протектората, хотя необходимость его официально мотивировалась внешней опасностью (ср. S t r a b., VII, 4, 4). Очевидно, боспорские верхи боялись не только нападения «варваров» извне. Обстановка внутри Боспора, вероятно, была настолько накалена, что переход под владычество царя Митридата представлялся спасительной мерой против назревшего восстания.

